

Наталья Нестерова

Вызов врача

Любовный яд —
очень сладостное
снадобье. Жаль,
что это лекарство
не назначают
пожизненно!..

Наталья Нестерова

Вызов врача

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129047

Солнечное настроение: [сборник]: АСТ: Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-111730-6

Аннотация

Каких неожиданностей можно ждать от рутинного визита участкового врача к немолодой скандальной пациентке? Им ведь нечего делить? Во всяком случае, так видится со стороны. Однако жизнь расставляет удивительные ловушки, в которые рано или поздно угодит каждый заложник собственного прошлого...

Содержание

Пролог	4
День первый	8
1	8
2	21
3	34
4	49
5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Наталья Нестерова

Вызов врача

Пролог

Девочка пряталась за кустами. Дом построен и заселен недавно, молоденькие деревца вокруг детской площадки никого не могли скрыть. Кусты тоже невысокие, но густые, благодаря дружным весенним листочкам. Если стоять в полный рост, то голова торчит над верхушками веток. Да и не выстоишь долго, а ждать девочка решила до победного конца.

Почему так говорят: «победный конец»? Ведь победа должна обозначать новую счастливую жизнь?

Девочка нашла деревянный ящик, поставила его в угол, который образовывали кусты, уселась. Теперь ее не видно ни с одной стороны, разве только из окон верхних этажей дома. Более всего боялась: спустится какая-нибудь сердобольная старушка, начнет приставать с вопросами: почему ты здесь прячешься? Где твои родители?

Восьмилетние девочки не караулят по вечерам в засаде, а делают домашнее задание, аккуратно, без помарок, выводя строчку за строчкой, наслаждаясь чистописанием, будто вышиванием крестиком.

Девочка была одета в коричневое форменное платье с бе-

лыми воротником и манжетами и белый фартук. Сегодня суббота, полагается надевать в школу белый фартук, а не черный, как в остальные дни. Девочка пришла в этот двор сразу после школы. Ждать пришлось долго. Очень хотелось пить, и еще в туалет. Но девочка терпела, не покидала своего убежища. Листочек за листочком она выщипала в середине куста отверстие, через которое отлично просматривались вход во двор, двери подъездов и детская площадка. В поздних майских сумерках белый фартук светился ярким пятном. Девочка сняла фартук и затолкала его в портфель. В окнах зажегся свет.

Ту, ради которой пришла сюда, девочка узнала сразу. По веселому залиvistому смеху, хотя никогда его не слышала, по лицу, плохо различимому в темноте, оттого непонятно – похожему на единственный виденный снимок или нет. Но девочка почувствовала, как внутри словно что-то оборвалось и безошибочно выкрикнуло: «ОНА!» Девочка припала к амбразуре в кусте, не замечая колючих веток.

Женщина была не одна, со спутником. Они все время целовались. В подворотне дома, потом прошли десять метров и опять целовались. В перерывах женщина хохотала, веселилась, кружила на месте.

Мужчина ловил ее, подхватывал, и они опять сливались в поцелуе.

Девочка никогда не видела таких откровенных, взрослых, бесстыдных, долгих и частых поцелуев. Она почувствовала,

что заливаётся краской брезгливости и стыда.

Женщина очередной раз вырвалась из объятий кавалера, прибежала на детскую площадку, села на качели, принялась раскачиваться. И все время смеялась! Взлетала вверх, юбка легкого крепдешинового платья нескромно задиралась, женщина по-девчоночьи болтала голыми ногами и заливалась хохотом от веселья. Ее спутник подошел и стал сильнее раскачивать качели. Женщина верещала от страха, но в ее визге было не меньше счастья, чем в смехе. Потом он остановил качели, подхватил женщину на руки и с притворной угрозой «Закружу!» стал быстро вертеться на месте.

Девочка думала, что так кружат только детей. Но с детьми так и не целуются после веселой забавы. Девочка встала, от парочки ее отделяло метров пять. Женщина заметила девочку и погрозила пальцем: не подглядывай! И в следующую секунду забыла о ней, взяла своего кавалера под руку, тесно к нему прижавшись, и, воркуя, повела к подъезду.

– Мама! – глотая слезы, тихо позвала девочка.

Ее никто не услышал.

Мама, бросившая девочку восемь лет назад, была абсолютно счастлива. От ее счастья дочери не полагалось ни малюсенького кусочка.

– Ненавижу! – произнесла девочка и пошла к арке.

Она мысленно повторила «Ненавижу!», наверное, тысячу раз, и это помогло не расплакаться.

Девочка чувствовала себя больной и старой. Будто по-

ребячьи игривая мать забрала у нее детство, наградив собственной старостью.

Дома девочку ждали встревоженные бабушка и отец. На их расспросы, где пропадала, девочка устало соврала, что была у подруги.

– Но как же так? – удивился отец. – Мы обзвонили всех твоих...

– Помолчи! – остановила его бабушка. Она хорошо знала свою внучку: если та не хочет говорить правду, значит, имеет для этого серьезные основания.

День первый

1

Засвистел чайник. Мария Петровна пришла на кухню и выключила газ. Который раз кипятит! Сколько еще ждать?

Вернулась в комнату, села на диван, надела очки и стала читать журнал. Через минуту сдернула с носа очки, отшвырнула журнал, решительно сняла телефонную трубку и набрала номер. Занято! У них вечно занято!

С десятой попытки пошел сигнал вызова, и ей ответили. – Поликлиника? – рявкнула в микрофон Мария Петровна. – Кто говорит? Регистратура? Слушай, ты, регистратура... Да, больная Степанова! Да, пятый раз звоню! А ты деньги получаешь за то, что со мной разговариваешь! Где врач? На вызовах? Пусть ногами быстрее двигает, подохнешь, пока ее дождешься! Небось по магазинам шляется, а не по вызовам... Это ты меня оскорбляешь, регистратура! Я? По голосу не больная? А кто две «скорых» ночью вызывал? И нечего трубку бросать! Разбросались! – Мария Петровна посылала проклятия, хотя ее уже никто не слушал. – Всю страну к чертовой матери разбросали!

Мария Петровна опустила трубку на рычаг, подошла к письменному столу, посмотрела на перекидной календарь.

Первое декабря тысяча девятьсот девяносто девятого. И единица с тремя девятками, как опрокинувшееся число зверя, и грядущий двухтысячный год вызывали почти мистический страх вхождения в новую эру. Когда-то двухтысячный казался страшно далеким. Двадцатилетняя студентка Маша Степанова кокетливо загибала пальцы, подсчитывая: «В двухтысячном мне будет... пятьдесят четыре года! Это невозможно!»

Подойдя к зеркалу, Мария Петровна повернула голову вправо-влево.

– Мне сорок пять! – произнесла она вслух. – И ни копейкой больше!

Вернулась к дивану, взяла очки, надела, снова подошла к зеркалу, закусила нижнюю губу, рассматривая подбородок. Так и есть! Черный волосок.

– Сволочь! – обозвала его Мария Петровна, достала пинцет и выдернула.

Единственным признаком старости она считала эти предательские волоски, то там то сям вылезающие на подбородке. В молодости их и в помине не было, а теперь приходится лицо полоть, точно грядку с сорняками.

Наконец звонок в дверь. Мария Петровна на цыпочках побежала в прихожую, припала к дверному глазку. На площадке стояла молодая женщина, варежкой стряхивала с шубы снег. Мария Петровна бесшумно отодвинула с утра смазанную маслом задвижку и побежала обратно. В коридоре, от

поворота в гостиную, крикнула:

– Входите, не заперто!

У Марии Петровны большая трехкомнатная квартира в сталинском доме; если кричать из комнаты, чтобы услышали на площадке, – глотку сорвешь.

В гостиной Мария Петровна плюхнулась в заранее приготовленное большое кресло, укрыла ноги шерстяным пледом.

Врач задержалась ненадолго в прихожей (шубу снимала) и вошла в комнату. Молодая женщина, невысокая брюнетка с короткой стрижкой, без укладки, которую бесполезно зимой делать тем, кто вынужден много ходить по улице. Если бы не серьезно-хмурое, профессионально строгое выражение лица докторши, ей можно было дать лет двадцать шесть. Но кислая (как определила Мария Петровна) мина тянула на все тридцать с хвостиком.

– Добрый день! – поздоровалась врач.

– Покажи руки! – потребовала Мария Петровна.

– Простите?

– Глухая? Руки покажи.

Врач усмехнулась, поставила на стул сумку, покрутила перед носом пациентки руками, показала ладони и тыльную сторону.

– Довольны?

Ноготочки у докторши аккуратные, но не элегантные, а как у пианистки, которая не может себе позволить длинных ногтей.

– Не больно-то у тебя руки трудовые, – оценила Мария Петровна. – Характеристику принесла? Ре-зю-ме? – по слогам, откровенно издевательски проговорила Мария Петровна.

– Нет, не догадалась.

Врач ответила спокойно, как человек, готовый к выкрутасам собеседника. Так взрослые разговаривают со вздорными детьми, с психическими больными и выжившими из ума марзматиками.

– Бестолковая! – Мария Петровна точно обрадовалась возможности обругать человека и тут же произвела небольшой откат. – Мне плевать на характеристики. Я работника насквозь вижу и быстро из тунеядцев стахановцев делаю. Объясняю условия. Три раза в неделю по восемь часов. Моешь, убираешь, ходишь в магазин за продуктами, на почту, в сберкассу, платишь за квартиру, готовишь еду, утюжишь белье, ну и прочая домашняя белиберда. Оплата почасовая, минимальная, премии ежемесячные и ежеквартальные, в конце года – тринадцатая зарплата, исчисляется по среднему заработку без учета премий.

– Все? – спокойно поинтересовалась доктор.

– Все! – вызывающе отозвалась Мария Петровна. – Торговаться будешь? Начинай!

Точно как Мария Петровна по слогам выговаривала «ре-зю-ме», врач в аналогичной манере, с нескрываемой насмешкой проговорила:

– Вы меня с кем-то спутали. Я, – ткнула себя пальцем в грудь, – участковый врач, Кузмич Ирина Николаевна. Врача вызывали?

– Надо же! – всплеснула руками Мария Петровна. – А я думала, домработница, мне обещали прислать. Внешность у тебя... так сказать, без диплома о высшем образовании.

Если последняя характеристика и не понравилась Ирине Николаевне, виду она не подала, развела руками:

– Внешностью, как вы понимаете, обязана предкам. А на них суда нет. Мария Петровна, где ваша медицинская карточка и заключения, оставленные двумя бригадами «скорой помощи», которые здесь побывали прошлой ночью?

– Ага, донесли? Вон там, на столе лежат. А тебе донесли, что я прежде лечилась в кремлевской поликлинике?

– Я в курсе. – Врач подошла к столу и принялась читать бумаги.

– И ушла из кремлевки сама! – говорила Мария Петровна, обращаясь к затылку докторши. – Никто меня не выгонял! Выдумали – сокращение контингента! Лечить не умеют, только диагнозы сочиняют. Не велик труд. Открывай учебник – и переписывай. Главное – мужика на сохранение беременности не отправить. А женщину от простатита не лечить. Алфавит вы зубрил – всё, считается, что врач. Рецепты выписывают по шпаргалке, как аспирин на латыни пишется – запомнить не могут.

Ирина Николаевна повернулась, посмотрела на Марию

Петровну:

– Подобного рода рассуждения стали для вас поводом присвоить записную книжку моей коллеги, которая сюда приходила? В книжке были прописи многих рецептов.

Усмешка молоденькой докторши Марии Петровне не понравилась, но торопиться размазывать по стенке эту новую фифочку не стоило, можно и старую помянуть.

– Как той двоечнице только диплом дали? – всплеснула руками Мария Петровна. – В голове одна извилина, и та в помощь кишечнику. Наверное, на экзаменах переписывала и остановиться не может. Зачем мне ее шпаргалки?

– Именно после визита к вам книжка пропала.

– Сейчас новую пишет? Пусть, ей полезно материал повторить. Может, чему и научится.

Несколько минут они молчали. Доктор перебирала бумаги, Мария Петровна рассматривала ее со спины. Ладная фигурка. Росту среднего, в талии тонка, в бедрах не шклява. Не то что некоторые современные девицы, худые и плоские, как недокормленные беспризорники. Брючки на докторше наглаженные, но внизу усеяны круглыми кляксами грязи – по улице находилась. В тапочки переобулась, а некоторые топчут по квартире в сапожищах, вытирают потом за ними.

– Что это? – воскликнула Ирина Николаевна. Она в изумлении поднесла листок, который читала, ближе к глазам.

– Где?

– В вашей медицинской карте. – Ирина Николаевна по-

вернулась к больной и потрясла в воздухе картой.

– Тебе лучше знать. Твои коллеги-гробокопатели писали.

– Но это какая-то отсебятина, вставки!

– Комментарии, – язвительно уточнила Мария Петровна.

Такого Ирина Николаевна еще не видела! В строгий медицинский текст, поверх строчек, со стрелочками, указывающими на место «комментария», были вписаны издевательства. Выглядело это так:

«Состояние средней тяжести, не до конца угробили. Кожные покровы обычной окраски, хоть с негром не спутали. Язык чистый, влажный, можете им побриться, козлы! Живот мягкий, безболезненный, спасибо, клистиры научились ставить. Печень у края реберной дуги, а в ней вся ваша долбаная медицина и мать ее завполиклиникой! Нестабильная стенокардия, заботьтесь о стабильности собственной половой жизни, кастраты-гиппократы!»

– Зачем вы испортили документ?

– Веселье нашло, то есть злость. Но ты мне морали не читай! Моя карточка? Моя! Что хочу, то в ней и пишу.

– Писательница! – тихо, сквозь зубы прошептала Ирина Николаевна. И громко добавила: – Здоровье не повод для веселья! Тем более в вашем возрасте!

– В каком таком моем возрасте? Ты знаешь, сколько мне лет? Да мы с тобой почти ровесницы!

– Год рождения вы только тут, в карточке, подтерли или в паспорте тоже?

– Ты врач или милиционер? Может, добровольная помощница правоохранительных органов? Иди, валяй, настучи про меня прокурору, сексотка!

Ехидные выпады Марии Петровны если и ранили докторшу, то внешне это не было заметно. Ирина Николаевна не вспыхивала от обиды, не поджимала губ, не метала из глаз гневные стрелы. Но и молча терпеть хамство пациентки не собиралась. Сказала докторски-учительским строгим, но равнодушным тоном:

– Вы все время пытаетесь оскорбить и унижить меня. Напрасно. Напоминаю: вы обратились за помощью, я пришла сюда, чтобы эту профессиональную помощь оказать.

– Давай оказывай.

– На что жалуется?

Вопрос Марии Петровне явно понравился, и она ударилась в нравоучения:

– Барышня, запомни! Степанова никогда не жалуется. Даже в магазине. Вот в глаз дать могу, если словами не понимают. На меня за всю жизнь знаешь сколько жалоб и анонимок написали? Как собрание сочинений Вэ И Ленина. У меня выговоров было больше, чем правительственных наград. Помру – ордена на подушечках понесут. А выговоры – где они? На подтирки пошли. Девушка, никогда не жалуйся. Один раз дала слабинку, другой раз слезу пустила – всё, пиши пропало. Затрут, в фарш перемелят, сделают из тебя котлеты, сожрут – не подавятся.

– Представляю, сколько ты таких котлет проглотила, – опять чуть слышно произнесла Ирина Николаевна.

– Что ты там бормочешь? Не слышу, говори громче.

– Во-первых, я вам не барышня и не девушка. Во-вторых, попрошу мне не тыкать. Я врач, а не ваша домработница.

– Ой-ой! Какие мы строгие! – пропела Мария Петровна. – Да я со всеми на «ты». Министр мне тут как-то говорит: «Вы, Мария Петровна, одна из немногих, кто ко мне на „ты“ обращается». А я ему: «Ты ж верующий, видела по телевизору, как в церкви к президенту со свечкой протискивался, локтями других отпихивал». Поняла?

– Нет.

– Министришка тоже не понял. Он, казнокрад паршивый, с Богом как разговаривает, когда лишний миллион вымаливает? На «ты». А его, значит, выше, чем Бога, ценить надо.

– Но ведь и вы не выше Бога? Или другое мнение имеете?

– Не имею. До Бога или до святой мне как паровозу до балерины.

– Зачем ТЫ вызвала врача? Что ТЕБЯ беспокоит?

Ирина Николаевна не просто подчеркнула голосом «ты» и «тебя», на каждом слове глаза ее чуть расширялись, брови вскидывались. «Тыканье» походило на пощечину. Но Мария Петровна не обиделась, наоборот.

«Крепкий орешек», – подумала она. И одобрительно кивнула:

– Характер показываешь? Валяй. Те двое, что до тебя из

районной поликлиники приходили, тюфяк да кисель, рохла да мямля. Одна из них даже истерику закатила.

– Еще бы, ведь вы ее в туалете заперли. У человека двадцать больных на приеме, десяток вызовов. А ПОЖИЛАЯ пациентка с признаками легкого маразма утверждает, что у нее в унитазе лежит солитер, требует удостовериться и на два часа запирает доктора в туалете.

– На двадцать минут. Нечего было мне как школьнице выговаривать: вы не сдаете анализы, не выполняете предписания. Катись ты со своими рецептами!

– Пожалуй, я так и сделаю. Поскольку у вас нет жалоб и вы вызываете врача исключительно для того, чтобы потешить себя и развлечься, в моем присутствии нет необходимости. Вам нужен не терапевт, а психиатр.

– Были психиатры, обследовали. Нашли абсолютно здоровой, кроме некоторой повышенной эмоциональной возбудимости, которая выражается в использовании ненормативной лексики. А чего тут удивляться? Когда родителей репрессировали, меня в деревне спрятали. Там слова никто не говорил, чтобы к нему матюка не пристроить. Представляешь, я в восемнадцать лет приехала на рабфак поступать и так материлась, что фронтовики рты раскрывали. Вернее – закрывали.

– На молодых людей это, конечно, производило большое впечатление.

– Неизгладимое.

Мария Петровна отчетливо видела, что докторша желает свести общение к формальному, но срывается, невольно отвечает и вступает в разговор. Хоть и крепкий орешек, да зеленый еще.

– У меня всю жизнь, – продолжала Мария Петровна, – отбоя от мужиков не было, как пиявок их от себя отрывала. Иначе и быть не могло. Ты бы меня видела в молодости! Сокрушительное сочетание: с виду воздушная тургеневская барышня, а внутри трактор на гусеничном ходу. Не из тех я была, что на диванчиках с пяльцами сидят, о принце мечтают. На кой черт они принцу нужны? У него зарплата меньше, чем у жены. Принцу подавай друга и соратника, который плечо подставит. Ему нужна здоровая крепкая лошадь в соседнюю упряжку, а не трепетная лань. Хотя, конечно, желательно, чтобы лошадка походила на нарядного пони.

– И где же ваши мужья и дети?

– Померли.

– И муж, и дети?

– Муж пять лет парализованный лежал. Инсульт. Чудной стал...

– А дети? – настойчиво перебила Ирина Николаевна.

Мария Петровна отвернулась, недовольно сморщилась и после секундной заминки ответила:

– Не дал Бог детей.

– Понятно. С вашего позволения, я помою руки. Где у вас ванная?

– По коридору налево вторая дверь. Правильно, помой руки, нечего меня грязными лапать. Да смотри! – крикнула Мария Петровна вслед уходящей докторше. – Не сопри там чего-нибудь! У меня парфюмерия дорогая.

Ирина в ванной открыла кран, посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали, заледенели, как на жгучем морозе. Только мороз был не внешний, а внутренний, тек по венам вместо крови.

Хорошо держалась, можно себя похвалить. Вот только предательский тремор рук. Они всегда так ведут себя в минуты большого волнения. На экзамене в институте преподаватель однажды возмутился: «Что за вульгарная манера – отвечать и держать руки в карманах!» Ирина молча положила перед ним руки на стол, ладонями вниз, пальцы отбивали дробь. «Извините!» – стушевался преподаватель.

Маленькая удача: пальцы начали вибрировать после того, как Степанова попросила показать руки в самодеятельном спектакле «разве ты не домработница?».

Под струёй горячей воды Ирина ожесточенно массировала кисти. Пальцы покраснели, кажется, немного отпустило. Она закрыла кран, посмотрела на хозяйские полотенца: прикосаться к ним противно. Достала из кармана брюк носовой платок, вытерла руки, промокнула лицо. Своему отражению в зеркале проговорила как заклинание:

– Это только вздорная больная старуха! И все! Меня с ней ничего не связывает! Ничего! Когда работала в градской

больнице, лечила вонючих бомжей. Представь, что это бомжиха, просто ее отмыли.

По длинному коридору Ирина возвращалась в гостиную. Руки не дрожали, но казалось, вибрирует сознание, гудит, как трансформатор, который должен понизить напряжение. Так бывает при эмоциональном накале, когда испытываешь сильное волнение и вынужден тщательно скрывать его. От «трансформатора» подается «ток» только к одной мысли, яркой неоновой вывеске:

**«ЛУЧШЕ ТЫСЯЧА БОМЖЕЙ, ЧЕМ
ОДНА МАРИЯ ПЕТРОВНА СТЕПАНОВА».**

Перед тем как открыть дверь, Ирина глубоко вздохнула и сказала себе: «Погаси лампочки на вывеске и не ври себе. Если бы ты не испытывала жгучего интереса, в пять минут свернула бы визит».

2

Когда Ирина вернулась, Мария Петровна уже перестала изображать прикованную к креслу инвалидку, стояла посреди комнаты, одергивала платье.

– Раздевайтесь, – велела Ирина.

Про себя отметила, что старуха отлично сохранилась. Не толстая, но крепко сбитая, мягкие округлые линии плеч, груди, бедер не расплылись, трикотажное платье подчеркивает плавность и женственность фигуры. И никакая она не старуха, хотя мысленно Ирина предпочитала называть Марию Петровну именно так.

Ирина перевидала сотни больных, сотни голых человеческих тел. Но ее почему-то всегда умиляли старухи, среди которых часто встречались замаскированные одеждой молодые женщины. Лицо в морщинах, руки от кончиков ногтей до ключиц, ноги от щиколоток до колен – дряблые, темные, в пигментных пятнах. А торс и бедра, которые не подвергались солнечному облучению, молочно-белые и удивительно молодые. Наверняка и Мария Петровна такая, но никакого умиления по отношению к ней Ирина не испытывала. Подошла к столу, вытащила из сумки фонендоскоп, повесила на шею, взяла в руки аппарат для измерения давления.

Раздеваться Мария Петровна не собиралась. Так и заявила:

– И не подумаю!

– Очень мило! – усмехнулась Ирина. – Зачем вы меня пригласили?

– Тебя лично никто не приглашал.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я приглашала хорошего врача.

– Зачем?

– Чаю попить! – с вызовом ответила Мария Петровна.

– Чаю? И только?

– Можно с вареньем, с бутербродами. Ты не очень прожорливая?

– Я вообще пациентов не объедаю и чаи с ними не распиваю. Ошибочку допустили, гражданка.

Ирина сняла с шеи фонендоскоп, затолкала в сумку. Следом упаковала тонометр, громко и резко застегнула «молнию» на сумке.

– Уходишь? – спросила Мария Петровна.

– Мне здесь делать нечего.

– Ну, растудыть жабу через коромысло! Доктора пошли! Не послушала, давление не измерила. Может, у меня криз?

– Врожденный, – тихо, точно самой себе, пробормотала Ирина.

Но Мария Петровна отлично услышала:

– Насмехаешься? А если я во врачебном уходе нуждаюсь?

– Об уходе отсюда только и мечтаю. Или вы сейчас же раздеваетесь, или я ухожу!

– Зачем я тебе раздетая потребовалась?

– Буду слушать ваши легкие и сердце.

– Чего их слушать? Они как у молодой лосихи.

– Гражданка Степанова! – тихо закипая, произнесла Ира.

И далее говорила медленно, чеканя каждое слово, будто у Марии Петровны имелись проблемы с восприятием речи. – Вы... врача... вызвали. Следовательно... вас... что-то... беспокоит. Ответьте... пожалуйста... на вопрос. Что... вас... беспокоит?

– Ты раньше не в психушке работала? – Мария Петровна покрутила пальцем у виска. – Ты чего со мной как с дебилской разговариваешь? Или сама, часом, шизофрению подхватила?

– Что... вас... беспокоит? – как автомат повторила Ирина.

– Тьфу ты, заладила! Appetit меня беспокоит.

– Его отсутствие?

– Присутствие! С утра ничего не ела. Хватит лясы точить, пойдем на кухню чаю попьем.

Мария Петровна повернулась и вышла из комнаты. Ирине ничего не осталось, как, подхватив сумку, двинуться следом.

– Негодяйка! – прошептала Ирина. – Я тебе покажу шизофрению!

На кухне Мария Петровна разливала заварку по чашкам. На столе стояли тарелки с сыром, ветчиной и бужениной, с рыбой, вазочки с вареньем. На плите начинал посвистывать чайник.

– Никаких чаев и угощений! – твердо сказала Ирина. – В гости к вам не набивалась!

– А вдруг у меня диабет? – открыто насмехаясь в лицо Ирине, произнесла Мария Петровна. – Укол сделала, и теперь, если не поем, окочуриться могу.

– У вас нет диабета.

– Откуда ты знаешь? Я же анализы принципиально не сдаю. Вот сейчас грохнусь тут в коме, что будешь делать? У тебя же ничего нет. Доктора! Приходят, трубочки в уши вставят и рецепты прописывают. Ты хоть знаешь, какие раньше доктора были? Они не то что к больному – из дому без своей врачебной сумки не выйдут. А в твоём бауле что? Прокладки да тампаксы, ну, еще шпаргалки. Садись, делай себе бутерброды, ешь.

– Не буду! За одним столом с ВАМИ я питаться не стану!

– Ой-ой! Какие мы строгие! Слушай, почему ты мне ТАК хамишь, словно право имеешь? Что-то в тебе есть, – Мария Петровна неопределенно покрутила в воздухе пальцами, – странное. Голуба моя! Не выпускай коготки, побереги их для другого случая. Против Степановой ты как бобик против гиппопотама. Я чужие когти, на меня нацеленные, с мясом вырываю!

– Усвоила, очень испугалась, – заверила Ира.

– Ты мне все время кого-то напоминаешь, но кого, вспомнить не могу. У меня абсолютная память на лица. Имена путать могу, но если один раз с человеком словом перемолви-

лась, запоминаю на всю жизнь. Я столько двойников знаю – хоть театр открывай. Но ты... Что-то очень знакомое и очень неприятное, уж извини. Кто твои родители?

– Не имеет значения.

– Подкидыш? Детдомовская?

– Нет, по счастливой случайности я воспитывалась не в детдоме.

– Что значит – по счастливой случайности? Кажется, вспомнила, мой зам по хозяйственной части в Петропавловске. Степа... Степа не помню как. Ты на него похожа.

– Ошибаетесь.

– Жаль. Степа обладал уникальной способностью шевелить ушами в ритм любой музыки. Даже Первый концерт Чайковского ушами отхлопывал.

– У меня нет музыкального слуха.

– У меня тоже. Выходит, ты своих родителей стыдишься?

– Мне не нравится этот разговор.

– Точно стыдишься. Чем они тебе не угодили? В начальники не выбились или эскимо на палочке редко покупали?

– Считайте как угодно.

– Почему чай не пьешь?

– Я вам уже сказала...

– Экая упрямая! Как ослица! Не будешь питаться, и я не буду. Подохну – тебе отвечать. Предсмертную записку оставлю. Нет, ее ты можешь уничтожить. Позвоню.

На угловой полке стоял телефонный аппарат. Мария Пет-

ровна схватила трубку, стала набирать номер.

– Катя? Это Маруся. Записывай! В моей смерти сегодня винить... Как тебя зовут? – дернула подбородком в сторону Ирины.

– Кузмич Ирина Николаевна.

– Винить Кузмич Ирину Николаевну, – проговорила Степанова в трубку. – Все поняла? Буду жива – перезвоню.

«Не так уж она, Мария Петровна, для друзей Маруся, железобетонна, как хочет казаться, – подумала Ирина. – Это не сильная женщина на пике жизни, а паникующая старуха, которая хорохорится из последних сил, пускает пыль в глаза – только пыль, а не ядовитый газ».

– Шантажируете? – усмехнулась Ирина.

– Защищаюсь от врачей-вредителей.

– Номер телефона состоит из семи цифр.

– Ну и что?

– Вы набрали только пять.

Мария Петровна заметно стушевалась, переставила тарелки на столе, хотя в этом не было надобности. Ей очень хотелось задержать колючую докторшу, которая смотрела с вызовом, с холодным презрением, как на врага. Недоброжелателей у Марии Петровны всегда хватало. Но как правило, они прятались за натужными улыбками, за враньем и подхалимством. Тех, кто прямо смотрел в глаза, ненавидел открыто, не так уж и много было. И Мария Петровна по-своему их уважала, испытывала что-то вроде спортивного азар-

та, как боксер на ринге перед схваткой. Физиономии врачей, которые в последнее время не переводились в доме Марии Петровны, раздражали своей терпеливо-профессиональной отстраненностью. Точно Мария Петровна была шкодливым ребенком, который опрокинул им на белый халат бутылку чернил. Что возьмешь с невоспитанного дитяти? Что возьмешь со вздорной старухи?

Ирина Николаевна Кузмич, в отличие от прежних эскулапов, видела в Марии Петровне человека вредного, но умственно полноценного, с которым можно разговаривать без скидок на возрастную дурь. И колкости, какими они успели обменяться, смысл произнесенных слов значения не имели. Главным было выражение глаз докторши – неприкрыто враждебное.

Мария Петровна дрогнула, в ее голосе зазвучали почти просительные нотки:

– Тебе жалко со мной пять минут посидеть, чашку чаю выпить?

– «Жалко» – не то слово.

– Торопишься?

– Нет, последний вызов.

«А может, она просто вульгарная хамка? – подумала Мария Петровна. – Стерва в ангельском обличье?»

– Катись! – выдала Мария Петровна, проклиная себя за минутную слабость. – Нужна ты мне, как папе римскому значок ГТО. Я снова «неотложку» вызову.

– Как вам угодно. Медицина у нас бесплатная. Почему бы не потрепать нервы врачам? Я вас последний раз спрашиваю: дадите себя осмотреть или записываю в карточку отказ?

Мария Петровна не ответила, шагнула к плите, взяла чайник. Ирина восприняла молчание Степановой как согласие. Открыла сумку и в очередной раз достала фонендоскоп и тонометр.

– Раздевайтесь!

Мария Петровна рефлексивно дернулась в сторону, решив, что настырная докторша хочет схватить ее за руку. Чайник качнулся, крышка слетела, и кипяток вылился на Марию Петровну. Она заорала благим и неблагим матом. Запрыгала на одной ноге.

Ирина забрала у нее чайник и с грохотом поставила его обратно на плиту.

– Вы сделали это специально.

– С ума сошла? – Мария Петровна опустилась на стул. – Ты у меня уже двадцатый врач. Если ради каждого членовредительством заниматься, членов не хватит. Нечего было меня лапать!

– Никто до вас не дотрагивался. Положите ногу на стул, снимите чулок. Я сделаю перевязку.

– Сделай, мать милосердная. – Степанова поерзала, сложив руки на груди.

Ирина сдвинула тарелки в сторону, достала из сумки марлевые салфетки, бутылочку со спиртом, мазь, поставила все

на стол.

Мария Петровна была права, когда говорила, что участковые врачи не носят медикаментов. Хотя по правилам положено иметь при себе набор для оказания первой медицинской помощи. А попробуй потаскай его, в девяноста девяти целых и девяноста девяти сотых процентов случаев бесполезный. У тебя без медикаментов сумка забита бумагами и весит добрых пять килограммов. Но Ирина была исключением, ее сумка, нечто среднее между портфелем и баулом, по тяжести равнялась двум парам гантелей. Когда Ирина видела на экране телевизора стройных девиц в обтягивающих трико, с гантелями выполняющих упражнения бодибилдинга, мрачно шутила: мол, оказывается, я бесплатно забочусь о красоте фигуры. Эти мысли особенно «помогали» в дождь, грязь, снег, распутицу, когда приходилось долго топтать по улице, а затем подниматься на пятый этаж в доме без лифта.

За четыре года работы участковым терапевтом Ирина трижды воспользовалась содержимым своей сумки. Третий раз – сегодня, в квартире пациентки Степановой. Впервые – на остановке автобуса, когда стоящий рядом человек схватился за сердце и упал. Второй раз обработала зеленкой порезанный палец шалунишке – внуку бабульки, к которой пришла на вызов. Муж говорил Ирине, что статистически глупо таскать бесполезные тяжести. Верно, в двух случаях из трех можно было обойтись домашней аптечкой. А в первом она просто спасла человеку жизнь.

Не обращая внимания на нежелание Степановой хоть как-то помочь, Ирина действовала молча и быстро. Наклонилась, захватив щиколотку, приподняла обваренную ногу, положила на соседний стул. Рывком задрала юбку, отстегнула подвязки, спустила чулок. По ноге растекалось красное неровное пятно, волдырей не было. Главный термический удар приняли на себя шерстяное платье и толстый хлопчатобумажный чулок.

Мария Петровна, наблюдая, как Ирина обрабатывает ожог, признала:

– Хорошие у тебя руки, не тошнит от них. А иной докторишка только дотронется, и уже хочется съеденный обед ему в карман вывалить.

– Зачем вы коллекционируете врачей? – спросила Ирина, накладывая мазь. – Думаете, недостаток общения можно компенсировать подобным образом? Если у вас нет родных, друзей или знакомых, готовых терпеть ваше общество, заменить их докторами невозможно. Или тоска по власти? Привыкли командовать, «тыкать», унижать людей и теперь на врачах отыгрываетесь? Салтычиха на пенсии. Это низко – считать зависимыми людей, которые пришли оказать вам помощь, и издеваться над ними.

– Ох, какие мы нежные! Издеваются над ними! А сами толком... Айболиты чертовы. Во! – подняла Мария Петровна вверх палец, как человек, которому неожиданно пришла интересная мысль. – Айболит кого лечил? Зверей. И вы все

только в ветеринары годитесь. А насчет друзей и знакомых... Так их у меня полстраны бывшего СССР. Знаешь, кем я работала? Пусковицей.

– Кем? – невольно переспросила Ира.

– Сейчас на американский манер говорят – топ-менеджер. А мне русское нравится – пусковица. Я двадцать лет запускала предприятия легкой промышленности. Где-нибудь в Донбассе городок: десять шахт, пять химических заводов вредных, три магазина и тридцать распивочных. Мужики работают и водку хлещут. Женщины дома сидят, с ума сходят, за должность почтальона или уборщицы космы друг другу выдирают. Мы строим там швейную фабрику. Строители сдают объект. А дальше всё я – обучить людей, наладить поставки сырья, запустить производство, дать планы, просчитать экономику, организовать соцкультбыт, ясли, сады, дом культуры, база отдыха... Сдвинуть такую махину с места – не кота кастрировать. Рабочий день по двадцать часов, несколько сот людей в подчинении. Вот это называется пусковица. Меня в министерстве на руках носили.

– Потом уронили?

– Потом всю страну уронили. И первой – легкую промышленность. Собственную. А китайско-гонконговскую очень даже подняли. Наш народ без работы сидит, зато Азия процветает. Друзей и приятелей у меня, не беспокойся, три эшелона с прицепами.

– Я не беспокоюсь. А вам, очевидно, досадно, что теперь

ником не покомандуешь.

– Командование здесь ни при чем. Я, может, сама всю жизнь мечтала разумным приказам подчиняться. Только мало было командиров, за спину которых спрятаться могла. Думаешь, легко решения принимать? Нет, гораздо проще по чужой указке жить. Конечно, власть – она сладка, опьяняет. Но у нормального человека и похмелье наступает. Проснулся поутру: батюшки, чего я наворотил?! А вот чего я наворотила? Не могу с приятелями общаться. Когда в стране катавасия началась, муж заболел, я ушла с работы, с ним сидела. А друзья помнят меня какой? Огонь-бабой, первой красавицей и умницей – все решит, всех разведет, безвыходных ситуаций не знает, обязательно прорвемся, победим в соцсоревновании и получим переходящее красное знамя. Пять лет не у дел – это срок. И разговаривают друзья со мной... Нет, не жалеют даже, а как бы стесняются. Мне их жалость и стеснение нужны как тюленю велосипед. Забинтовывать будешь?

– Нет, пусть мазь впитается.

– Тогда пойду переоденусь. Мокрая вся, будто до туалета не добежала.

Чуть прихрамывая на обваренную ногу, Мария Петровна вышла из кухни. Ирина огляделась. На угловой полочке лежал фотоальбом, старинный, обложка из тисненой кожи.

«Только в начале посмотрю, – подумала Ирина, – пару снимков».

Открыла альбом. На первой странице большое фото улыбающейся Степановой в молодости. Ирина почувствовала, как снова задрожали пальцы. Такой она Степанову и помнила – весело хохочущей... И даже платье это запомнила – крепдешиновое, с летящей воздушной юбкой, с широким лаковым ремешком на тонкой талии...

Ира не услышала, как вернулась Степанова, подошла, заглянула через плечо:

– Хороша я была, верно?

Застигнутая врасплох, Ира покраснела от досады, крепко сжала альбом, чтобы не заметно было дрожание пальцев. Спросила о том, ради чего взяла чужую вещь:

– Здесь есть фотографии ваших родителей?

– У меня от них ни фотографии, ни вещицы ни одной не осталось. Даже фамилии. Мне ее в деревне поменяли. А зачем тебе? Наследственными болезнями интересуешься?

– Вроде того. – Ира захлопнула альбом и положила на место.

– Все их болезни – пуля в лоб.

Степанова говорила и делала бутерброды. Положила их на тарелочку, налила чай в чашку, пододвинула к Ирине. Толкнула ее в плечо, Ирина невольно плюхнулась на стул. От подобной бесцеремонности Ирина опешила, а Степанова как ни в чем не бывало велела не морочить голову и пить чай. Продолжала рассказывать:

– Родителей арестовали на последней волне в сорок девятом и скоренько расстреляли. Даже не знаю, как они умудрились меня спасти и в деревню переправить. Не помню ничего. Из всего детства воспоминаний – подбрасывают меня

вверх, наверное, отец, дух захватывает, а потом ловят крепкие теплые руки. Бабка тоже толком о них ничего не знала. Только шептала мне, что отец был из больших «партийных начальников, с портфелем на автомобиле ездил». «Запомни, – твердила мне, – отец твой Крыницин Иван Порфирьевич, а мать Крыницина Юлия Романовна».

– Их реабилитировали потом? – спросила Ирина.

«Имею право знать», – мысленно оправдала она свои вопросы.

– Потом суп с котом. Приехала в Москву, стала справки наводить. А у меня ведь никаких доказательств, что они мои родители. Метрику мне по поповской книге выписывали. За мешок картошки и бутылку самогона поп вписал в свою книгу, что, мол, крестил меня. И только имя по ней у меня настоящее. Бабушка уже умерла, друзья и знакомые родителей мне были неизвестны. Но справку о реабилитации мне все-таки дали. И предупредили, что все документы у дочери Крынициных Марии Ивановны, проживающей по такому-то адресу. Я обрадовалась – руки распахнула и полетела в объятия новоявленной сестры. И приземлилась в милиции, в камере за решеткой с обвинением в хулиганстве. Ты будешь чай в конце концов пить?

– Почему за решеткой?

– После того как родителей арестовали, квартиру сделали коммуналкой. В одной из комнат поселилась семья, которая мебель и прочие вещи присвоила. У них была дочь, моя ро-

весница. Когда оттепель, реабилитации начались, они заявили, что эта девочка – дочь Крынициных, они ее тайно воспитывали. И все метрики представили, и семейный архив. Берегли, сволочи, на всякий случай. Он и представился. Девочке площадь полагалась. В итоге вся квартира им стала принадлежать. Это я все потом узнала. А сначала с чистой шеей примчалась родственников обретать. Меня они, конечно, в штыки приняли. Аферисткой обзывали и вопили мерзко. Я тоже завелась – слезы вперемешку с матюками: дайте хоть на фотокарточку взглянуть, какое право имеете меня родителей лишать? Ах, ты о правах заговорила, так их тебе в милиции объяснят! Вызвали, забрали меня в кутузку. Я там так ревела, что все бандюки на мою защиту поднялись. Мне пятнадцать суток дали, в институт сообщили. Чуть не выгнали из института, комсомольская организация отстояла.

– Фантастично звучит: чтобы люди ради квартиры собственную дочь за другую выдавали...

– Самое фантастичное, что я ей потом отомстила. Она меня – в милицию, а я ее – в психушку. Много лет прошло, я уже в министерстве ведущим специалистом работала и однажды оказалась на совещании в отраслевом институте. Идем по коридору, смотрю – объявление о защите кандидатской диссертации Крынициной Марии Ивановны. Она химиком была и у нас защищалась по красителям для льна. А я недавно льнопрядильную фабрику в Белоруссии запустила. Красители эти чертовы – настоящая головная боль. Вот уж во-

истину – выкрасишь и выбросишь... на прилавок советскому потребителю. Словом, приглашаю я коллег: мол, давайте пойдем, послушаем. Директор – с удовольствием, как же – союз науки и производства. Мария Ивановна меня не подвела. Абсолютная шелупонь ее диссертация – в дерьмецо клею предложила добавить, чтобы запах и цвет сохранить.

Я спокойно задала два-три вопроса и печально покивала в ответ на ее щенячий лепет. Но сонное царство разбудила. Академические мухи вспомнили, что жалить умеют. Тем более, что Мария Ивановна была не их родная, а со стороны, и перед нами, министерскими, им хотелось покрасоваться. Словом, утопили Марию Ивановну по самую макушку. Она и краснела, и белела, может, и газы испускала – пропали денежки на заказанный банкет. И в конце вдруг выпаливает:

«Считаю необъективным обсуждение моей работы, так как здесь имеют место предвзятые личные отношения». Все удивлены: какие личные отношения? Она на меня пальцем показывает и заявляет:

«Вот эта женщина пыталась доказать, что я – не я, а она... вернее, она – это я, а мои родители – это ее родители, то есть ее родители – это не мои родители, и вообще она квартиру у меня хотела отнять». Я плечами пожимаю, народ в изумлении, тихо обсуждают, кому психушку вызвать. И ведь увезли диссертантку, прямо в Кашенку.

– Здорового человека, между прочим.

– Ну да, хорошего, честного, бескорыстного, большого

ученого.

Слушая Степанову, Ирина машинально, чтобы занять руки, отщипывала кусочки от бутерброда и отправляла в рот.

– Что ты клюешь как птичка? – скривилась Мария Петровна. – Ешь по-человечески. Икру любишь? У меня есть баночка, открыть?

– Нет! – громче, чем следовало, будто уличенная в воровстве, отказалась Ирина. – Не люблю икру!

С нелепой поспешностью она отодвинула тарелку. Глупо! Полбутерброда съела и не заметила! Оскоромилась! Ладно, не будем изображать брезгливость. Тем более, что пить хочется. Ирина отхлебнула чай из чашки.

Мария Петровна ободрительно кивнула:

– Ты, значит, жалостливая?

– Вовсе не жалостливая. Но я считаю, что человек должен нести наказание за свой поступок, а не получать божью кару. Если карманник украл кошелек, его надо судить. А кирпич, упавший ему на голову, – не кара, а случайность. Даже собаку наказывают за проступок сразу – больно и основательно. И она знает: так делать нельзя, будет плохо.

– Но мы-то люди, не животные. У нас, кроме рефлексов, сознание имеется.

– Некоторым как раз здоровых рефлексов и не хватает.

– Не скажи. Мой муж был удивительным человеком. Сильным, щедрым, очень теплым в общении. Люди просто пьянели рядом с ним, и казалось, ты – лампочка, а он – бата-

рея, будет он – и ты будешь гореть вечно. А потом – бац, инсульт, темное пятно в голове размером с куриное яйцо. Врачи говорили: еще полмиллиметра – и было бы несовместимо с жизнью. Но только то, что с ним стало, тоже было мало совместимо с жизнью. Одни рефлексы: ел, спал, под себя ходил и целыми днями орал: «Хочу бабу, дайте мне немедленно бабу!» Представляешь? А такой был умница! И чтоб по бабам таскаться, в жизни не было. Я сиделку не могла к нему нанять. Пробовала. Придут, хихикают, как с дурачком с ним разговаривают, увертываются, когда он здоровой рукой под юбку к ним норовит залезть. Не могла этого видеть. Сама ухаживала. В Библии сказано о смерти тихой и непостыдной. По-моему, такой не бывает. Любая смерть – отвратительный и гнусный акт. Ты видела, как люди умирают? Смерть видела?

– Видела.

– Тихую и непостыдную?

– Благодаря медицине сейчас любая смерть тихая, в страшных агониях никто не мучается. А непостыдная... Вы о муже сокрушаетесь. Но те люди, что от рождения слабы умом, телом, калеки, инвалиды, – выходит, у них и жизнь постыдная?

– Ты меня милосердию не учи. Милосердным можно быть по отношению к другим, а не к себе. Вот скажи, когда они умирали, не было у них чувства сокрушительного унижения? Беспомощность, распад, гниение, мучения бессмыс-

ленные, потому что сделать ничего не можешь, – все это ужасно и, стало быть, унижительно. Сама по себе смерть, уход в небытие не страшны, а вот постыдство беспомощности – каково его переживать на финише? Мне однажды воспоминания медсестры-фронтовички попались в руки. Она пишет, это только в кино показывают смерть благородную и возвышенную. А у нее на руках солдаты умирали с воплями и проклятиями. Они кричали, что жить хотят, выли, кусались и проклинали весь белый свет. Думаешь, они в этот момент думали о солнышке восходящем, о девушке, которая другому достанется, о полях некошенных и далях лесных, о Родине, о Сталине? Черта с два! Они бесились оттого, что проиграли, а побежденный всегда унижен.

– В соревновании с жизнью еще никто не вышел победителем.

– Правильнее сказать, в соревновании со смертью.

Мария Петровна встала, подошла к холодильнику, достала баночку черной икры. Открывая ее консервным ножом, думала о том, что икру фасуют по три ложки, а стоит как золотой песок. Скоро по икринкам продавать будут, измельчала жизнь. Мария Петровна вернулась за стол, сделала бутерброд и положила на Ирину тарелку.

– Ешь! Людей, которые не любят икру, не бывает. И в смерть, я тебе доложу, никто не верит. Ты веришь?

– Я ее видела, – ответила Ира.

Несмотря на похоронные разговоры, у Иры пробудился

аппетит. В животе противно заскулила голодная судорога. Семь вечера, пообедать не успела, утром выпила чашку кофе – весь рацион. Черная икра пахла всеми деликатесами вместе взятыми.

– Экая ты упрямая, девушка! – Степанова перегнулась через стол, насильно вложила в руку Ирине, бутерброд, взяла ее за руку и ткнула бутербродом в губы. – Ешь, тебе говорят!

Ирине невольно пришлось облизать вымазанные икрой губы. Уступив собственному сосущему голоду и натиску Степановой – откусила. Она жевала, а Степанова рассуждала о смерти. Чувствовалось, тема ее крайне волнует.

– Ну и что, если ты смерть видела? Я медведя в цирке на самокате видела, это не значит, что он по лесу на велосипеде раскатывает. Человек в свою смерть не верит. Невозможно представить, что помрешь в какой-то день, в среду, например, а наступит четверг, солнце взойдет, гимн по радио сыграют, народ потянется на кухню чай пить и кашу лопать. А тебя не будет, у тебя вместо четверга – ничто. Это непредставляемо для человека.

– Почему же? – спросила Ира с набитым ртом. Ругала себя, но жевала. Было очень вкусно.

– Ты радиоволны представляешь?

– В целом.

– А конкретнее?

– Это поток... как их... частиц. Ну, в общем... с трудом представляю, – призналась Ирина.

– Вот именно! Мы с ними каждый день дело имеем, а вообразить не можем. Что уж говорить о смерти, если с того света никто не возвращался. Хотя, конечно, дурью маяться охотников много. У меня соседка спиритка, столы крутит, с духами общается. Недавно приходит, говорит: «Муж просил передать, что без бананов скучает». Как тебе это нравится?

– Вы, конечно, пригрозили засунуть бананы в уши спиритам?

– И в уши тоже. Чай подогреть?

– Если вас не затруднит.

Ирина самостоятельно сделала себе второй бутерброд с икрой, потом принялась за уполовиненный с бужениной, за ним пришла очередь бутерброда с сыром и шоколадной конфеты. Как отомстить за угощение, Ирина придумала. Потягивала чай и спрашивала:

– Мария Петровна, откуда такой повышенный интерес к смерти? У вас роковой недуг?

– У меня? Ты что, с ума сошла?!

Но по тому, как испуганно забегали у нее глаза, Ирина безошибочно поняла: вот она, болевая точка. Сейчас старушка расколется и пустит слезу над своим диагнозом. А ей не дадим мы скорого облегчения и с утешениями торопиться не будем. Помучайся, хлебосольная тиранка!

– Благодарю за угощение! – Ира вытерла пальцы салфеткой. – Оно пришлось как нельзя кстати. – Достала из сумки кошелек, вытащила несколько купюр, положила их на стол. –

Примите плату. Надеюсь, достаточно? Это по ресторанным расценкам.

– Мне... плату? – опешила Мария Петровна. – За кусок хлеба в моем доме?

– А также за икру, сыр, буженину, две чашки чая и шоколадную конфету «Каракум». – Ирина показала на пустой фантик. – Тут с чаевыми, – двинула стопку денег к Степановой.

– Давно со мной такого не бывало! Девочка, ты где научилась людям в душу плевать? Как тебя мама воспитала?

– Вот кого бы я сейчас не желала обсуждать, так это мою маму! Давайте вернемся к проблемам вашего здоровья. Какие жалобы?

Мария Петровна не успела ответить, зазвонил телефон. Она сняла трубку. На протяжении всего разговора не сводила с Ирины возмущенного взгляда. Но речь ее находилась в большом противоречии с этим взглядом, и возмущение постепенно таяло.

– Алло! Толик? Здравствуй, мой мальчик! Соскучился? – ворковала Мария Петровна. – Конечно, я тоже скучала. Нет, сегодня не могу. Дурашка, не надо ревновать. Когда? Может быть, завтра. Билеты в театр? Ладно, купи. Нет, не одна. Почему сразу мужчина? Молодая симпатичная женщина. Ах ты льстец! Правду говоришь? Да верю, верю. Что делаем? Занимаемся делами. Я тебе не скажу. Маленький женский секрет. У меня всегда есть секреты? Загадка? Я загадка? Хорошо,

котенок, поотгадывай на досуге. Нет, сегодня больше не звони, можешь завтра вечером позвонить. Я тебя тоже целую.

Мария Петровна положила трубку, показала на телефонный аппарат и сообщила:

– Я не сразу заметила, что размерчик изменился.

– Какой размерчик?

– Контингент! – довольно хохотнула Степанова.

Ирина по-прежнему ничего не понимала.

– Мною стали интересоваться молодые мужчины. Знаешь, сколько Толику лет? Двадцать семь!

Ее хвастовство било мимо цели. Ирина не прятала своих чувств – лицом выражала откровенную брезгливость. А досаду – слишком быстро Степанова забыла выпад с платой за хлебосольство и сумела нанести новый удар – Ирине удалось скрыть.

– Что мы носик-то сморщили? – отреагировала Мария Петровна. – У тебя мужа увела женщина зрелая и в расцвете сил?

– Никто у меня мужа не уводил. И вообще я не собираюсь вести с вами посторонние разговоры. Готова обсуждать только проблемы, связанные с вашим здоровьем...

– Ты второй час беседуешь со мной на посторонние темы, – справедливо напомнила Степанова. – Значит, зацепило за живое. Слушай умную тетю, пока тетя жива.

– Мне неинтересно...

– Врешь! Очень интересно! Да и мне с тобой тоже. Есть в

тебе такое, что меня задевает. Наверное, твоя клеточность.

– Одноклеточность? – переспросила Ира.

– Почему «одно»? Побольше – десятиклеточность. И в каждой клеточке – порядок, чистота, закон и правила. Это хорошо – это плохо, правильно – неправильно, наши – ваши, красные – белые, задница – ...передница.

– Полагаете, я – ходячий набор штампов?

– Или хочешь казаться ботанической особью. Но злость праведную не скрыть. Чего ты нервничаешь? Не стану я тебя в туалете запирать и книжки твои воровать. И твоими рубликами, – Степанова презрительно ткнула пальцем в деньги, лежащие на столе, – меня слабо шокировать. О чем мы говорили? О женщинах бальзаковского возраста. Тебе вместе со всем прогрессивным человечеством противно, что они молодых любовников заводят.

– Мне это безразлично.

– Неправда. Сама рефлексы восхваляла. Как должна реагировать молодая здоровая самка, если самцов-производителей уводят из стаи? Правильно – показать клыки и грозно зарычать. Переводя на цивилизованный язык, обзвать подобные отношения пошлыми и безнравственными. Причем если старый кобель окрутит молоденькую собачонку, общество поохает-поахнет, но примет их. Опять рефлексы – самочка понести может, род продолжить, значит, все в ажуре. Между тем связи молодых людей с матронами тоже не редкость, но их в секрете, как правило, держат. Общественному

мнению иногда кость подкинут – напишут о браках известных актрис или певиц преклонного возраста с юными дарованиями. Общество кость обмусоливает и желчью исходит. Но обрати внимание, как эти актриски преображаются, буквально светятся зрелой красотой, и талант их будто новое дыхание обретает, и глаз от них не отвести.

– Возрастная климактерическая гиперсексуальность, в народе называемая бешенством матки.

– В народе! – отмахнулась Мария Петровна. – Знаешь, как в народе дрын, которым груши околачивают, называют? То-то же! Вот вспомни, когда тебе было лет семнадцать-восемнадцать, не липли к тебе старые сорокалетние перечники?

Липли, и неоднократно, могла бы согласиться Ирина, но сочла за лучшее промолчать.

– Это категория мужиков, которые девушек после двадцати считают отжившим свое бракованным материалом. Козлы! Но как я удивилась, когда после сорока – сорока пяти стали вокруг меня малолетки возникать и кружить. Я-то по наивности думала, младшему товарищу требуется совет опытного наставника. Как же, совет! Им любовь-морковь подавай, и все по-серьезному. Вот проживешь еще десяток лет – сама увидишь.

– Сомневаюсь.

– Правильно сомневаешься. Если в клушу превратишься, все заботы которой блины на соде или на дрожжах делать, никто на тебя не посмотрит. А сохранится огонь – малыш-

ня на него тучей полетит. Знаешь, сколько у Пушкина было любовниц старше его на двадцать и больше лет?

– Это у нас национальная забава: чуть что, Пушкиным прикрываться.

– У меня муж был доктором филологических наук, я тебе со знанием источников говорю.

– А я вам «со знанием» могу рассказать об эдиповом комплексе, который Фрейд сформулировал. Если вас интересуют молодые люди с отклонениями психики, которые маму в детстве недолюбили, могу лишь соболезнование выразить. Биологией не интересуетесь? Нет? Так я вам сообщу, что шимпанзе целуются как люди. Половой акт совершают лицом друг к другу, что редко в животном мире. Вам ничего не напоминает?

– Это я шимпанзе? Сама ты макака!

– Состоялся милый обмен любезностями.

– Да разве я только о себе? Хочешь, расскажу о своей подруге-француженке? Мария Луиза, попросту Марлиз, бизнесменша, хваткая, умная, образованная тетка, старше меня на десять лет.

– Выслушаю, если позволите измерить вам давление.

– Черт с тобой, меряй.

Ирина достала манометр, закрепила манжетку на плече Степановой, стала нагнетать грушей воздух.

– Марлиз знаешь как я расшифровываю? Марксизм-лес-беизм. Нет, у нее с половой ориентацией все в порядке. Но

Марлиз – активистка французского феминистского движения. Нормально?

– Да, давление нормальное.

Ирина вытащила фонендоскоп из ушей, сняла манжетку.

– Оно у меня всегда нормальное. Те олухи царя небесного не знали, что написать, и тиснули традиционное – нестабильная стенокардия. А у меня вместо сердца пламенный мотор.

– Разденьтесь, пожалуйста, до пояса!

Марии Петровне так не терпелось поведать о своей заграничной подруге, что сопротивляться она не стала, сняла блузку и бюстгальтер. Тело ее, как и ожидала Ирина, было не старчески дряблым, а крепко налитым. Груды отвисли, но не болтались спущенными шариками. Однако при близком рассмотрении молочные железы Марии Петровны Степановой выглядели неэстетично. Человека, далекого от медицины, могли бы шокировать. Обе железы были исполосованы множественными рубцами, хотя старыми и бледными, но заметно кривыми и уродливыми.

«Сколько же ей опухолей удалили? – мысленно поразились Ирина. – Гроздьями росли? А в карточке ни слова».

Зайдя Степановой за спину, Ирина слушала легкие. На приказы – дышите глубже, не дышите – Мария Петровна внимания не обращала, рассказывала:

– Марлиз недавно приезжала, и состоялся у нас с ней пре-забавный разговор. «Мари, – говорит она, – посмотри, что происходит с женщинами после сорока пяти». – «Что с ними происходит? – отвечаю. – Вкалывают как шахтные лошади – все по тому же кругу ходят и лямку тянут». – «Не скажи, – возражает она. – У нас в среднем классе, у буржуа, четкие тенденции прослеживаются. Во-первых, очень много женщин находят утешение в алкоголе. Пьют тайно или явно,

тихо или со скандалами, но регулярно. У процентов десяти второе истовое материнство – внуками занимаются. Еще у десяти на уме только бизнес, эти получают удовольствие от делания денег. Остальные варианты: светская жизнь, тряпки, путешествия или, напротив, домашняя рутина – сериалы, лишний вес, сплетни. Некоторые находят утешение в интимной связи с молодыми садовниками, шоферами и прочей обслугой». – «Марлиз, – спрашиваю, – а ты сама-то как решаешь проблемы переходного возраста?» Она рассказала, я со стула свалилась.

Ирина развернула пациентку лицом к себе и стала слушать сердце. Болтовня Степановой мешала, отвлекала.

– Марлиз, до того как овдоветь, была исключительно примерной женой, матерью и бабушкой. Бизнес, семья, общественная деятельность – все с высшим знаком качества, аккуратно, четко и упорядоченно. И вот теперь эта Марлиз рассказывает мне, что, отчаявшись найти идеального спутника жизни, она составила его портрет из пяти любовников. Представляешь? Из пяти! Один – яйцеголовый, интеллектуал, у него не голова, а академия наук. Другой прекрасно умеет обращаться со внуками, и они его обожают, почитают как дедушку и вместе проводят уик-энды. Третий – постельных дел мастер. Четвертый – финансовый гений и партнер по бизнесу. А с пятым она танцует.

– Что делает? – переспросила Ирина, хотя должна была озаботиться сердечными тонами пациентки.

– Танцует. Увлеклась на старости лет бальными танцами. И этот пятый, таксист, между прочим, кружит ей голову раз в неделю в каком-то клубе. Как тебе наборчик?

– Мне нужно послушать ваше сердце в положении лежа. Пойдемте в комнату.

И так же, как Степанова час назад, не дожидаясь возражений, Ирина вышла из кухни и направилась в гостиную. Там показала рукой на диван:

– Ложитесь!

Степанова покорно легла. И продолжала допытываться, как нравится Ирине вакханалия старой французской феминистки.

– Помолчите! Три минуты помолчите! – потребовала Ирина, приставляя фонендоскоп к груди Марии Петровны.

Сердце у пациентки действительно было здоровым, стучало на зависть.

– О чем вы говорили? – деловым тоном поинтересовалась Ирина, подошла к столу и принялась писать в карточке.

– Ведь это еще умудриться надо шито-крыто все обставить. – Степанова одевалась. – Ай да Марлиз! Была у женщины в душе пустыня, а она вырастила на ней цветущий сад, наполнила жизнью каждый день своего существования.

– Враньем она их наполнила, – заметила Ирина, продолжая писать.

– Почему?

– Потому что врет всем – своим любовникам пятикрат-

но. Детям и внукам врет, а знай они правду, перестали бы ее уважать. Себя обманывает, закрывает глаза на то, что ведет себя как попрошайка, у которого нет денег на обед, и он под благовидными предложениями по знакомым шатается, подкармливается. Все это у нормального человека вызывает брезгливость. Потому и надо прятать, скрываться, врать и барахтаться в болоте лжи.

– В тебе говорит возрастная зависть.

– Какая зависть? К кому? К вам, свихнувшимся на сексе старушкам, которые в нем допинг ищут, крови молодой? К вашим любовникам? Да они в лучшем случае используют вас. В худшем – представляют собой генетически негодный материал. Забирайте их себе, общество только спасибо скажет. Медаль выдаст, как санитарам леса, за то, что уведите из оборота бракованных особей. Вот такая биология, Мария Петровна. Не пытайтесь втянуть меня в дискуссию, предмет ее мне совершенно неинтересен. Как и ваш моральный облик, давно испорченный. Ставим точку и возвращаемся к проблемам вашего здоровья.

– Опять хамишь? Моралистка, значит? Это от незрелости и дамской глупости. Скулы от тоски не сводит? Чему поклоняешься: десяти заповедям, моральному кодексу строителя коммунизма или цитатнику Мао? И все-таки ты мне нравишься. Опыта чувств у тебя, конечно, нет. Парниковое создание с зачатками мыслишек.

– Не могу ответить вам взаимностью. Вы мне решительно

не нравитесь как личность.

– И не надо. Я привыкла к тому, что люди меня с первой встречи воспринимают в штыки. Зато потом привязываются и любят неземной любовью.

– Слышала о ней от своих коллег.

– Давай, давай, иронизируй.

– Ну что вы! У меня с юмором плохо, это у вас замечательно! Только вам в голову могла прийти оригинальная идея вместо мочи сдать в лабораторию яблочный сок.

– Распознали-таки? И на том спасибо! Анализаторы хреновы! А тебе не надоело строить из себя железную леди? Заржаветь не боишься? Кроме железа есть еще и другие металлы, более благородные. Алюминий, например, уж не говорю о золоте.

– Золотая, конечно, вы сами.

– Точно, высшей пробы штучный товар. Во-первых, у меня голова варит: ни в школе, ни в институте никто быстрее меня задачи не решал, знания впитываю, как новая губка мыльную воду. Во-вторых, у меня отсутствует инерция мышления, и чужую волю, заповеди, правила и всякую прочую дребедень пропускаю через сито интуиции и понимания ситуации. В-третьих, я живу сердцем и чувствами, а они у меня высокоразвитые.

– И все же очевидно, что основное ваше качество – скромность. Как говорится, никто не похвалит, если сам...

– Скромность только девушек на выданье украшает. Но

согласна! Согласна, я с тобой разболталась и все время почему-то выпячиваю свои сокрушительные достоинства. Такое впечатление, что хочу тебе понравиться. На кой черт ты мне нужна?

– Действительно, на кой?

Мария Петровна не успела ответить, зазвонил телефон. Она сняла трубку, несколько секунд слушала, потом протянула трубку Ирине:

– Тебя.

– Спасибо! Алло! Здравствуйте, Евгений Владимирович! Да, это я отменила диагноз доктора Стромьинской! Да, это я направила больного в стационар! Да, это больной не моего участка! – Ирина все повышала и повышала голос. – Потому что человек с двухсторонним воспалением легких неделю приходил в поликлинику и сдавал анализы. Он уже еле ползал. Не мое дело? Рентген? Качество наших рентгеновских снимков ниже всякой критики! И это не мое дело? Я лечу своих больных. Не кричите на меня! Разбирайтесь!

Ирина бросила трубку на рычаг, закусил губу, уставилась в потолок, как человек, желающий успокоиться.

– Втык от начальства получила? – спросила Мария Петровна. – Стромьинская – это та, что по шпаргалкам людей лечит?

– Она поставила диагноз – аппендицит и дала направление в хирургию. Там бы никому в голову не пришло проверять легкие, потому что мы исключили пневмонию, потому

что лейкоцитов в крови тьма и потому что больной крайне плох. Его бы экстренно прооперировали, он бы умер прямо на операционном столе, в лучшем случае через день...

– Выходит, ты права? Тогда почему главный бесится?

– Права я или нет, пока неизвестно. Больной в реанимации. А Евгений Владимирович, наш главный врач, думаю, устроил разнос нам обеим. Его методика – стрелять по площадям и обкладывать соломкой себя до самых ушей.

Ирина задумалась, вспоминая недавние события. После приема в кабинете, как обычно, спустилась к диспетчеру, чтобы переписать сегодняшние вызовы. Один был не с ее, Иринино, участка, а с участка Стромьинской, но Ирина не возразила. Она чувствовала себя обязанной Стромьинской, которая (вместо Ирины) побывала у Степановой и потратила в большом количестве нервные клетки. Пришлось ехать три остановки в противоположную от своего участка сторону, искать дом. И оказалось, что диспетчер перепутала. Стромьинская уже побывала у дедушки, поставила диагноз – воспаление аппендикса и дала направление в больницу. Родные дедушки ждали медицинскую перевозку. Ирина могла развернуться и уйти, но что-то ее остановило. «Раз уж пришла, – сказала она родным, – давайте осмотрю вашего дедушку». Выслушав его легкие, Ирина попросила телефон. Стромьинская вела прием во второй половине дня. На слова Ирины «у него булькает и хлопает со страшной силой» Стромьинская решительно ответила, что у деда булькает и

хлюпает последние двадцать лет. Именно столько лет Стромьнская проработала на своем участке.

Это была ситуация пятьдесят на пятьдесят. Стромьнская могла быть права, потому что у пожилых людей все симптомы расплывчаты. Сама Ирина однажды наставляла молоденькую практикантку перед тем, как та оправилась на вызовы:

«У бабульки дом семь, квартира сорок три, правая верхняя доля легкого хлюпает давно, пневмонию не ставь. Бабуля пятьдесят лет курит как паровоз».

В человеческих легких нет нервных окончаний, поэтому при воспалении болей не наблюдается. Прикорневую пневмонию услышать в фонендоскоп практически невозможно, и на рентгеновских снимках ее может быть не видно. Диагноз участковый врач (например, Ирина) ставит по косвенным признакам. С утра человек бодр и активен, идет на работу, вечером приползает еле живой, субфебрильная температура тела, явления интоксикации, главным из которых для человека становится крайнее бессилие. Но это относительно молодые люди! У стариков, еще раз напомнила себе Ирина, картина смазана.

Если бы Ирина следовала корпоративной солидарности, она бы оставила диагноз Стромьнской, деда увезли бы в хирургию, ответственность пала бы на врачей больницы. Ирина поступила как недружественный коллега. Пусть на пятьдесят процентов, но она была уверена – у деда острая двух-

сторонняя пневмония, отдаёт в живот, поэтому смахивает на аппендицит. Пришлось ругаться со службой госпитализации, переписывать направление в больницу. Стромынская побежала к главврачу жаловаться...

Мария Петровна наблюдала, как докторша напряженно о чем-то думает, и была совершенно уверена, что Ирина... как там ее... Николаевна размышляет неправильно. Ищет себе оправдания, аргументы для разбора полетов. А следует анализировать свои предыдущие действия, потому что ошибка может быть в прошлом, а не в будущем. Марии Петровне нередко случалось трепетать в ожидании событий, которые должны были показать ее правоту или провал. И она не сразу, но научилась скрупулезно, критично и трезво, с позиции противника анализировать ход рассуждений, предшествовавший решению.

– Можно я от вас позвоню? – спросила доктор.

– Звони.

Ирина достала записную книжку, отыскивала нужный номер, набрала:

– Будьте любезны доктора Хвостова. Его коллега... Саша? Привет, это Ира Кузмич. Нормально, да тысячу лет не виделись. Обязательно. Саша, у меня к тебе просьба. В вашу реанимацию сегодня поступил больной Краско Игорь Сергеевич. Ты бы не мог узнать, как он там, и перезвонить мне? Какой еще любовник, дядечке семьдесят три года. Сашка, перестань балагурить! Охальник! Сашка, ты не исправим! Це-

ню! Конечно, ценю твоё трепетное ко мне отношение. Сашка, не заговаривайся! Болтун! Таких вещей замужним женщинам не говорят! – Ирина кокетливо рассмеялась. – Саша, ну серьезно! Пусть к Краско хирурга пригласят, ему воспаление аппендикса ставили. Проследишь? Спасибо. Нет, именно целомудренным «спасибо» только и отделаюсь. Не из дома. Запиши номер и перезвони.

Продиктовав номер и положив трубку, Ирина повернулась к Степановой и встретила насмешливо-презрительный взгляд.

«Финтифлюшка! – обозвала её мысленно Мария Петровна. – В хороших руках, может быть, из этой fifы и вышел бы достойный работник. Только хорошие руки давно поотрубали. Смазливая пустышка!»

– Не такая уж ты монашка и скромница, какой хочешь казаться. «Саша, перестань, ты не исправим», – передразнила Степанова, – ха-ха-ха, хи-хи-хи! Жеманница и сердцеедка первой статьи. Твоему мужу, – Мария Петровна кивнула на обручальное кольцо, – следует регулярно осматривать голову.

– Зачем? – удивилась Ира.

– Рога вовремя спиливать.

– Да как вы смеете! – в сердцах воскликнула Ирина. – Что вы себе позволяете?

Вспышка Ирениного гнева нисколько не тронула Степанову. Напротив, повеселила. Мария Петровна довольно рас-

смеялась:

– Задела за живое? Маску сорвала? А нечего было передо мной гимназистку-отличницу корчить! Знаю я таких, как ты. С виду правильные да порядочные, а на поверку шлюхи да развратницы.

– Кто? Я развратница?

Ирина посмотрела на свои руки. Они не тряслись, хотя должны были ходуном ходить, потому что переживаемые злость, волнение, ненависть достигли крайней точки. Ирина была честной и верной женой. Но у нее иногда, в глубине души, вдруг появлялось желание ответить взаимностью на внимание, которое к ней проявляли посторонние мужчины. Эта «глубина души» находилась в таких дальних закромах, что и волноваться не стоило, а тем более винить себя или напрягаться в борениях с желаниями.

Любой человек может иметь маленький тайный порок. Например, испытывать странное желание стянуть шоколадку в супермаркете. И при этом он никогда не унижится до воровства. Но если человека, пусть случайно, обзовут воришкой, степень оскорбленности будет гораздо выше, чем если бы обвинили его в явных, наружных грехах. Все это Ирина прекрасно знала. Но одно дело теории, а другое – борьба с ними на практике. В словах Степановой был миллиграмм правды на тонну вымысла. Но именно этот миллиграмм привел Ирину в состояние, близкое к бешенству.

«Все! – подумала Ирина. – Терпение кончилось! Не дам

этой гадине размазать меня по стенке. Прикончу! Она давно заслужила! Сама напросилась!»

Ира подошла вплотную к Степановой. Едва не касаясь друг друга, они стояли в центре комнаты. Мария Петровна поставила руки в боки, ухмылялась, подначивала: мол, давай, сопливая девочка, попробуй меня укусить. За секунду до того как заговорить, Ирина подумала, что у нее изо рта могут вылетать брызги. Очень хорошо! Старуха заслуживает быть оплеванной с ног до головы.

– Вы, Мария Петровна Степанова, меня глубоко оскорбили. Оставлять подобные выпады без ответа не считаю допустимым.

– Валяй, оправдывайся!

– Вы очень заблуждаетесь, считая себя выдающимся человеком, которому позволено издеваться над людьми. На самом деле вы – патологическая личность с измененным сознанием, с давно и полностью разъеденной моралью. Попросту говоря, вздорная старуха с мерзким характером.

– Сейчас расплачусь от огорчения!

Издевательскую реплику Ирина пропустила мимо ушей, продолжила:

– Вы беситесь, потому что жизнь отодвинула вас в сторону. Потому что вас никто не любит и никому вы не нужны. Это совершенно справедливо и заслуженно. Подлых развратных особ, которые бросают своих детей, язык не поворачивается назвать их женщинами, у нас не сажают в тюрь-

му. И напрасно! Вот если она задушит младенца в колыбели, тогда ее покарают. Что, подмывало дочь новорожденную придушить? Тюрьмы испугалась?

Мария Петровна резко побледнела:

– Ты на что намекаешь?

– На обстоятельства жизни одной выдающейся пусковички.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда!

– Я этому верблюду лишний горб сделаю! Кто тебе сказал?

– Что сказал? Бездетная пациентка Степанова, вы никак разнервничались?

– Ирина Николаевна... О господи! Как твоя девичья фамилия?

– Не ваше дело! – Ира сделала шаг назад.

– Григорьева? Ты Григорьева?

– Это вас не касается!

Ирина еще отступила. Она уже жалела, что поддалась порыву, завела этот разговор.

– Ты Ира Григорьева?... Моя... дочь?

– Ошибаетесь. У вас не было детей.

Мария Петровна дернула руками, точно хотела обнять Ирину, и безвольно уронила. Доковыляла до кресла и рухнула в него. Выглядела она крайне плохо – враз постарела лет на двадцать. В кресле сидела задыхающаяся девяностолетняя старуха.

Злость Ирины не улетучилась, бешенство не рассосалось, но ноги понесли к старухе. Ноги врача, привыкшего оказывать помощь страждущим, не слушались сознания, хотя и оно принадлежало тому же врачу.

Ирина взяла Степанову за руку, чтобы посчитать пульс. На секундную стрелку часов смотреть не понадобилось – пульс был крайне частым, сердце билось как у кролика.

«Капли или укол? – размышляла Ирина, возвращаясь к столу и роясь в своей сумке. – Капли, пожалуй, слабоваты будут». Она достала бутылочку со спиртом, намочила ватный тампон, протерла руки. Вытащила из бумажной упаковки одноразовый шприц, разбила ампулу, набрала лекарство. Еще один тампон смочила спиртом, подошла к Степановой, задрала юбку, протерла бедро, сделала инъекцию. Лучше бы, конечно, в ягодицу. В бедро гораздо больней, но ворочать Степанову не хотелось, да она и не пикнула.

И Мария Петровна, и Ирина переживали странное раздвоение личности, точнее – раздвоение тела и сознания. Ирина действовала как врач-робот, профессионально, не испытывая сострадания к своей так называемой матери. Мария Петровна смотрела на дочь как на спустившегося с небес долгожданного ангела, но заговорила по привычке язвительно:

– Если думаешь, что я сейчас разрыдаюсь и стану описывать, как страдала без тебя все эти тридцать лет, то ты ошибаешься.

– А если ты, в свою очередь, надеешься, что я горевала без мамочки, то тоже ошибаешься. Я вообще не собиралась знакомиться с тобой. Угораздило тебя перейти в эту поликлинику и жить на моем участке! Никто не хочет больше подменяться, идти к тебе по вызову – ты всех достала.

– Мексиканский сериал: мать и дочь встречаются после долгой разлуки. Господи, тебе через три недели исполнится тридцать!

– Чуть больше, чем тебе по медицинской карточке.

– Это я в одну фирму собиралась устраиваться. У них знаешь как, только молодые да резвые нужны.

– Зря очковтирательством занималась? Не взяли?

– Почему? Взяли, но потом об этом. Расскажи, как ты жила...

То ли укол начал действовать, то ли Мария Петровна сама справилась с громадным стрессом, но ее сознание возвращалось в тело.

– Как ты жила после двенадцати лет? – повторила она.

– Почему именно после двенадцати? – пожала плечами Ирина. – Грудничковый период или начальная школа тебя не интересует? Ничего я рассказывать не буду! И вообще мыльной оперы не получится!

– Ты моя дочь...

– Только в биологическом смысле! За давностью лет сей факт принимать во внимание смысла нет. Я сейчас уйду. Станет плохо... Да что тебя учить! Тебе «скорую» вызвать не привыкать.

Мария Петровна медленно встала, держась за подлокотники кресла, не опуская их, стала двигать кресло. Загородила дверь и снова уселась.

– Ты никуда не уйдешь, пока мы не поговорим!

Путь к выходу был для Ирины отрезан. Не драться же с матерью! Ирина поймала себя на том, что мысленно называет Степанову мамой. Только бы вслух не вырвалось! Когда это началось? С первых минут общения, с чаепития? Не важно! Главное – не оговориться! Не сболтнуть лишнего! Не показать, что рада ее поступку – баррикадированию двери. Теперь есть повод задержаться и высказать все, что накипело за многие годы. Возможно, и выслушать...

– Ирочка! Я очень тебя прошу поговорить со мной и...

– Как ты не понимаешь? Мы друг для друга давно умерли, еще в роддоме. Я родилась – ты умерла. Ты родила – я умерла. Только так! Мне это в детстве здорово помогало.

– А мне ничего не помогало. Только сумасшедшая работа.

– Не ври!

– Перед тобой – как перед Богом!

– Ясно! Придумала себе сказочку оправдательную, легенду, и свято веришь в нее. Я уже сталкивалась с подобным. У меня на участке жил артист народный. С женой обращался

хуже, чем с половой тряпкой, ни в грош ее не ставил, открыто изменял, насмехался жестоко. И что произошло после его смерти? Вдова резко похорошела, делом жизни видит возвеличение памяти великого артиста. Книгу воспоминаний выпустила. Я читала про их большую любовь от первой встречи до последнего вздоха и диву давалась – так врать можно, только искренне заблуждаясь.

– Знаю, о ком говоришь. Лида из соседнего подъезда? Конечно, у ее мужа был прескверный характер. Плаксивый тиран и большой талант. Лида со мной делилась. Книга ее действительно розовые сопли. Не написала, как муж рыдал у нее на груди, корчился от любой малюсенькой неудачи, косоного взгляда, невосторженной рецензии на фильм или спектакль. Он был очень слабым человеком. Лиде приходилось кормить его с ложечки и вытирать задницу. Но такой была ее любовь. Чужая любовь – потемки, как и душа. Судить чужую любовь нельзя.

– Никого я не сужу! И с тобой пациентов своих обсуждать не собираюсь!

В памяти Ирины великий артист остался человеком, больше всего любившим говорить на две темы – его талант и его болезни. Ирина обязана была выслушивать артиста по долгу службы. Но каково под гнетом эгоцентризма домочадцам и друзьям? Вдова артиста заработала и выстрадала счастливую благодатную старость. А получилось, будто Ирина осуждает самоотверженную женщину.

Любое слово, произнесенное в разговоре с матерью, обретало другой смысл. Ирина вообще не собиралась вести с ней разговор! И признаваться в родстве! И сидеть тут битых два часа! Проведенная над собой подготовительная работа пошла насмарку. Очевидно, что имелся другой интерес, давний, стойкий и болезненный, который никакие репетиции и самовнушения побороть не могли.

– Да, мы не о том... – потеряла виски Мария Петровна. – Вот ты сказала, будто я легенду придумала себе в оправдание... Нет! Объяснение – да, имеется. Но оправдания? Тысячу раз нет!

– Ты могла тысячу раз «нет» превратить в «да», все исправить. Отец тебя любил, он больше не женился. Бабушка тоже простила бы.

– Бабушка... Свекровь Маргарита Ильинична... Господи, как я ее ненавидела! Тридцать лет прошло, а ни капельки ненависти не убавилось. Она жива?

– Умерла шесть лет назад.

– Чтоб ее на том свете черти изжарили!

– Замолчи! – воскликнула Ирина. – Не смей! Ты знаешь, кем для меня была бабушка? Настоящей матерью!

– Знаю. Извини. Когда тебе исполнилось пять лет, я до ручки дошла. Все эти пять лет Коля, твой отец, ко мне в общежитие приезжал. Тайком от матери, на случку раз в неделю. Все, говорю, Коля, не могу больше подглядывать за Ирочкой на улице, караулить ее во дворе. Давай снова по-

женемся. Что угодно придумаем. Будто я не умерла, а долго-долго лежала в больнице, или в тюрьме сидела, или я вообще другая женщина и стану мачехой.

– Но он не согласился? – насмешливо, с вызовом спросила Ирина.

– Согласился. А на следующее свидание пришел уже со своей мамой. И у них был план. Коле, твоему отцу, позволено со мной встречаться. Он перед мамой покаялся, что состоит в связи с бывшей женой, мама его простила. А мне было позволено открыто стать его любовницей – для здоровья полезно. Но о дочери и речи идти не могло, ни в каком качестве и никогда. Ты счастлива в семье и хранишь в памяти светлую сказочку об умершей маме, никто другой тебе не нужен, иначе будет только вред. Если же я проявлю строптивость, на меня подадут в суд на лишение материнских прав. И ты все узнаешь. И для тебя это будет страшным ударом. И дочь я все равно никогда не получу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.